

РОЛЬ МУСУЛЬМАНСКОЙ ЭЛИТЫ В НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА 20–50-Х ГГ. XIX ВЕКА

Гичибекова Р.М.

ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет» Махачкала, Россия (367000, Республика Дагестан, Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а), e-mail: noxeyka05@mail.ru

Исследуется роль и значение мусульманских лидеров в народно-освободительной борьбе народов Северного Кавказа первой половины XIX века. Анализ источников и различных материалов показывает, что усиление позиций ислама в кавказском регионе были вызваны не вмешательством мусульманских государств и агитацией международных эмиссаров, а главным образом, колониальной политикой самодержавия, направленной против укрепления ислама среди горских народов. В вопросах политики круг дагестанских религиозных лидеров на основе их устремлений и идеалов подразделялись на различные группы. На это влияли стремительные изменения в политической конъюнктуре XIX века. Основными темами идеологического противостояния в мусульманской элите стали вооруженный джихад, объявленный имамами, их требование признать единственно верным их понимание шариата, применение насильственных действий не только по отношению к неверным, но и против мусульманских противников движения. Российское командование на Кавказе, понимая роль традиционного авторитета мусульманских богословов среди населения, пыталось подорвать основы религиозной идеологии, решить которую пыталось не только с помощью оппозиционно настроенных к имамам представителей местных алимов, но и представителей Татарии и Крыма.

Ключевые слова: самодержавие, Кавказ, мусульманская элита, джихад, ислам, имамат, Российская империя.

THE ROLE OF MUSLIM ELITES IN THE NATIONAL LIBERATION STRUGGLE OF THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS 20–50-IES. XIX CENTURY

Gichibekova R.M.

«Daghestan state University», Makhachkala, Russia (367000, Republic of Daghestan, Makhachkala, M. Gajiyev st., 43A), e-mail: noxeyka05@mail.ru

Explores the role and importance of Muslim leaders in the national liberation struggle of the peoples of the North Caucasus in the first half of the nineteenth century. The analysis of the sources and of different materials shows that the strengthening of Islam in the Caucasus region have not been caused by the intervention of Muslim States and agitation international emissaries, and mainly, the colonial policy of the autocracy against the strengthening of Islam among the mountain peoples. In the policy circle Dagestan religious leaders based on their aspirations and ideals, can be divided into different groups. It was influenced by the rapid changes in the political climate of the nineteenth century. The main themes of ideological confrontation in the Muslim elite steel armed Jihad declared by the imams, their requirement to recognize the only true understanding of Sharia law, retaliatory violence is not only incorrect, but also against the Muslim opponents of the movement. The Russian command in the Caucasus, understanding the role of traditional authority in the Muslim theologians among the population, tried to undermine the basis of religious ideology, to decide which sought not only by opposition to the imams of the local ulama, but also representatives of Tatarstan and Crimea.

Keywords: autocracy, the Caucasus, the Muslim elite, Jihad, Islam, Imam, the Russian Empire.

К началу XIX века политика российского самодержавия на Кавказе перешла от союзно-вассальных отношений к новому этапу овладения территориями и включения их в состав империи. Для решения этой непростой задачи правительство применяло разнообразные формы и методы, нередко видоизменяемые в процессе деятельности. Важнейшими из них в арсенале захватнической политики царизма были следующие:

1) военно-казачья и крестьянская колонизация земель. На завоеванных горских землях началось возведение крепостей, укреплений, дорог, служившими плацдармами для успешного проникновения далее в горы. Вокруг укреплений образовывались населенные пункты

переселяемых сюда казаков и крестьян из внутренних губерний империи;

2) привлечение на свою сторону феодальной знати. Для «престола преданных» феодалов и их многочисленной родни власти открыли доступ к высшим военным чинам, их осыпали подарками, назначали пенсии, дарили земли и селения;

3) использование правительством в своих интересах классовой борьбы, происходившей внутри феодальных владений Северного Кавказа;

4) ограничение влияния ислама на общественно-политическую жизнь местного населения, заигрывание с местным мусульманским духовенством, назначение им жалованья и подарков.

Мусульманская элита, являясь образованной прослойкой населения, играло исключительно большую роль в жизни и быту горских народов на Кавказе. Это хорошо понимало российское правительство, и для превращения ислама в послушное идеологическое оружие ему необходимо было ограничить мусульман в правах и привилегиях. Внимательно наблюдая за небезуспешными стараниями кавказского командования, заключающимися в методичном изолировании мусульманских авторитетов от населения, религиозные деятели стали опасаться за судьбу мусульманской религии, поэтому большая часть служителей ислама оказалась в оппозиции к самодержавию.

Но была и другая меньшая часть элиты, которая нашла свою спокойную нишу под тенью скипетра самодержавия. Лидеры этой части, так называемые «народные эфенди», обласканные подарками и деньгами, выступали в поддержку российским властям и их ставленников из местной феодальной знати.

Однако все попытки самодержавия «приструнить» мусульманский мир на Кавказе не принесли ощутимого результата. Ислам начинает оказывать сильное воздействие как на внутреннее положение в северокавказском регионе, так и на противостояние могущественной христианской державе. Причиной этого, безусловно, явилась широкомасштабная экспансия Российской империи. Выступления против нее народов Кавказа вылились в народно-освободительную борьбу под руководством трех имамов.

Таким образом, усиление позиций ислама в кавказском регионе были вызваны не вмешательством мусульманских государств и агитацией международных эмиссаров, а главным образом колониальной политикой самодержавия, направленной против укрепления ислама среди горских народов.

Тщательный анализ источников [5 и др.], обращение к мнениям исследователей, частично затрагивавших ранее данную проблему [3 и др.], и использование других материалов [4 и др.] показал, что вооруженная борьба, джихад не были элементами учения тарикат, поскольку последний делает акцент на «джихад» другого плана – «борьба человека с собственной плотью». Поэтому практически все дагестанские религиозные деятели, представители тариката, являясь противниками джихада, критиковали действия трех имамов

именно за то, что он противоречит учению суфизма.

В вопросах политики круг дагестанских религиозных лидеров на основе их устремлений и идеалов можно подразделить на различные группы. На это влияли стремительные изменения в политической конъюнктуре XIX века. Данная тенденция наметилась еще в начале века, когда духовные лидеры Дагестана разделились на два лагеря, резко антагонистически настроенных друг против друга, представленные, с одной стороны, Мухаммадом ал-Яраги, Джамал ад-дином Газикумухским. и, с другой, Саидом Араканским, Юсуфом Хаджи Аксайским и др. Предметом их идейных разногласий являлись вопросы легитимности имамата, выбора имама и ведения джихада. Их идеологические прения и борьба за влияние на общественное сознание кавказских народов продолжались не только в течение всей Кавказской войны, но и после ее окончания.

Основными темами данного идеологического противостояния стали вооруженный джихад, объявленный имамами, «требование признать единственно верным их понимание шариата, применение насильственных действий не только по отношению к неверным, но и против мусульманских противников движения» [2, с. 112].

Российское командование на Кавказе, понимая роль традиционного авторитета мусульманских богословов среди населения Дагестана и Чечни, ставило перед собой задачу – подорвать основы религиозной идеологии, решить которую пыталось не только с помощью оппозиционно настроенных к Шамилю представителей местных алимов, но и представителей Татарии и Крыма. Однако усилия царизма в этом направлении не принесли положительного результата.

Зачинатель джихада в Дагестане, первый имам Гази-Мухаммад, а затем и его последователи Гамзат и Шамиль вели борьбу в двух направлениях; против российских властей на Кавказе, посягнувших на свободу и независимость мусульман, и против местных феодалов, противившихся шариату, отдавая при этом предпочтение адату, а также тех мусульман, которые препятствовали народно-освободительной борьбе.

Еще одним важным доводом у всех имамов в пользу джихада было создание теократического исламского государства на Северо-восточном Кавказе. Поэтому сторонники, доказывающие необходимость джихада, выдвигали следующие основные доводы. По их глубокому убеждению «джихад необходимо вести, т.к. мусульмане обязаны противодействовать против российской оккупации и колонизации; в связи с тем, что мусульмане должны жить свободными и независимыми; поскольку в Дагестане ведется правосудие на основе местных адатов в ущерб шариатским законам; потому что мусульмане обязаны построить теократическое шариатское государство, которое должно жить только лишь по законам Аллаха» [1, л. 4].

Доводы религиозных деятелей, противников вооруженной борьбы сводились к

следующим положениям:

- 1) ведение вооруженной борьбы (газават) против российской власти вызывает смуту, бессмысленное кровопролитие и всевозможные раздоры, а это запрещено шариатом;
- 2) газават и тарикат несовместимы, поскольку первый осуществляется вооруженным путем, а второй призывает к смирению, терпению, соглашательству и компромиссу с врагом;
- 3) газават против российских властей противоречит шариату, так как шариат запрещает вести войну против сильного и более многочисленного врага, т.е. Российской империи, что приведет к бедствиям и бессмысленным потерям среди мусульман;
- 4) газават против российских властей нельзя вести, т.к. они не запрещают заниматься служением Аллаху и выполнять все религиозные каноны мусульман.

Однако местная оппозиция была не столь многочисленна и не имела высокого авторитета среди населения, а засылаемые на Северный Кавказ проповедники из других регионов, плохо знакомых с действительным положением дел на местах, с задачей не справились.

С установлением имамата правовой исламский дискурс вступил в Дагестане в новую фазу своего развития. Начиная с 1820-х гг. предметом дискуссии в нем стали отдельные аспекты исламского конституционного права. Полемика о законности с исламской точки зрения создания имамата в немалой степени опиралась на мнения классических шафиитских авторов, но вместе с тем переосмысливала их правовое наследие в контексте меняющейся военно-политической обстановки на Северном Кавказе. В создании политико-правового дискурса об имамате с его призывами к газавату приняли участие противоборствующие фракции мусульманской духовной элиты, оказавшейся в годы Кавказской войны по разные стороны, как в лагере сторонников, так и среди противников имамата. На территории созданного государства серьезной оппозиции власти имамов возникнуть не могло. Поэтому все наиболее видные представители мусульманской оппозиции имамату, таких как Саид Араканский, Юсуф Аксайский, Сулейман-эфенди и др., действовали вне досягаемости имамов. Практически все они были на службе у российского правительства, получали жалованье. Используя ислам и его служителей в своих целях, самодержавие стремилось привить горским народам дух покорности и смирения. В связи с этим были разработаны проповеди, которыми сельские муллы каждую пятницу поучали народ, толковали им обязанности их к Богу, царю, правительству и ближним. При этом необходимо было вразумить каждого, что вера пророка не только остается неприкосновенной, но еще и покровительствуема силой государственных законов.

В то же время имамы пытались противопоставить обвинениям своих известных оппонентов не менее ученые аргументы ученых, следующих шафиитской правовой традиции, преобладающей в Дагестане. Подобная задача была возложена на Муртада-Али ал-Уради,

кадия в имамате Шамиля.

Идеологическое противостояние в мусульманской элите продолжалось и после окончания Кавказской войны, на протяжении длительного времени в виде малых и больших восстаний. Преобразования 60–70-х годов XIX в. на Северном Кавказе в значительной степени ограничили власть и влияние мусульманских авторитетов. В 1872 г. правительство издало положение о мусульманах Закавказья, объединенных в два духовных управления суннитского и шиитского вероучений. Мусульмане же Северного Кавказа в религиозном отношении были подчинены «Оренбургскому магометанскому духовному собранию», созданному еще в 1788 г. в г. Уфе. Подобное подчинение было чисто формальным, т.к. решение всех вопросов, связанных с юрисдикцией мусульманской элиты, находилось в руках местной административной власти.

Драматический и героический опыт народно-освободительного движения кавказских народов, при объективном и вдумчивом к нему подходе, дает современным политикам богатую пищу для размышлений и осмыслений сегодняшних событий на Кавказе и в целом в России. А ученым, историкам – огромное поле для научных поисков познания одного из сложнейших феноменов отечественной и мировой истории.

Список литературы

1. Ал-Уради. Ал-Мургим // РФ ИИАЭ. Ф. 14. Оп. 1. № 1702. Л. 1об. –14об.
2. Кемпер М. Шариатский дискурс имамата в Дагестане первой половины XIX в. // Дагестан и мусульманский Восток / ответственные редакторы и составители: А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. – М.: Изд. Дом Марджани, 2010. – С. 107-124.
3. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2009. – 584 с.
4. Руновский А. Мюридизм и газават по объяснению Шамиля. – Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавказа, 1863. – 95 с
5. ЦГИА РГ Ф. 1083. Оп. 6. Д. 722. Л. 1–8 об. Из замечаний Сулеймана-эфендия, «бывшего в числе приверженцев Шамиля на действия сего последнего в противность учению шариата».

Рецензенты:

Дадаев Ю.У., д.и.н., главный научный сотрудник ИИАЭ ДНЦ РАН, г. Махачкала;

Доного М.М., д.и.н., профессор кафедры общей и социальной педагогики Дагестанского государственного университета, г. Махачкала.